

Кроме как об этом, Е Ци не мог подумать ни о каком другом намерении в словах Цинь Гуаньлани.

— Цинь Гуаньлань...

— Е Ци, — Цинь Гуаньлань внезапно перебил Е Ци, пристально глядя на него. — Никакой жалости, никакого унижения.

— Я плачу тебе деньги, и ты действительно будешь со мной спать.

Прямолинейные слова врезались в барабанные перепонки Е Ци, сорванные с губ Цинь Гуаньлани так непринужденно. Его тело на мгновение оцепенело.

В те несколько секунд, пока в голове царил полный кавардак, у него даже нашлась доля хладнокровия подумать: «Какого черта, мать твою», — ему даже показалось, что голос Цинь Гуаньлани в тот момент звучал немного сексуально.

Эта мимолетная пошлая мыслишка тут же была заброшена Е Ци в самый дальний угол.

Е Ци принялся серьезно всматриваться в говорившего. Человек, сидевший напротив, казался ему чуточку чужим — совсем не похожим на того Цинь Гуаньлани, которого он знал.

Он нахмурился:

— Ты серьезно?

— Ты же сам только что сказал, я не шучу.

Цинь Гуаньлань внезапно подался вперед, поднял руку и зажал подбородок Е Ци, спокойно спрашивая:

— Теперь испугался?

Сила в пальцах Цинь Гуаньлани была невелика, боли Е Ци не почувствовал. Тон вроде бы был ни холодным ни жарким, но от него в груди разлился жар.

Там, где его пнул этот ублюдок Ли Миньяо, снова начало ныть — одновременно горячо и больно, казалось, еще чуть-чуть, и случится сердечный приступ.

Е Ци приподнял подбородок, полуприкрыв веки и бросая на Цинь Гуаньлани вызывающий взгляд из-под ресниц, его кадык дернулся:

— Раз уж ты сам осмелился на такое согласиться, чего мне бояться?

Уголки губ Цинь Гуаньланя едва заметно дрогнули, неизвестно над чем он усмехался.

Е Ци по-прежнему думал, что это насмешка.

Да и плевать.

В конце концов, у него ничего нет, и терять ему тоже нечего.

Даже если Цинь Гуаньлань решил воспользоваться этим, чтобы отомстить, у него осталась разве что никчемная жизнь — в худшем случае и ее лишится.

Пальцы Цинь Гуаньланя, покрытые легкими мозолями, скользнули по нежной щеке Е Ци, после чего он убрал руку:

— Лучше бы так.

Е Ци хотел усмехнуться, хотя и сам не понимал, чему именно. Изначально он просто хотел поднасрать этому носящему фамилию Цинь, а в итоге и впрямь самого себя продал?

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, а затем Е Ци внезапно протянул Цинь Гуаньланю правую руку. Ладонь была замотана в марлю, а кончики пальцев маняще согнулись:

— Что делать, если ты на середине пути передумаешь? Давай задаток вперед.

— Сразу предупреждаю, я очень дорогой.

Цинь Гуаньлань особо не раздумывал. Он очень решительно вытащил из кармана бумажник, выгреб оттуда купюры абсолютно всех цветов и всунул их в руку Е Ци, не оставив даже две монетки по юаню.

Е Ци бегло окинул их взглядом: сколько там могло набраться наличных? Все вместе едва ли дотягивало до двух тысяч.

Задаток — всего две тысячи, а сколько тогда составит окончательный расчет? Да это же сплошной бросовый товар, он что, над ним издевается?

Е Ци так откровенно и недвусмысленно отразил на своем лице презрение и недовольство, что это бросалось в глаза:

— Этой суммы и на одну ночь не хватит, генеральный директор Цинь.

Цинь Гуаньлань убрал бумажник обратно:

— Ты проверял, сколько баланса на той банковской карте, что я дал тебе раньше?

Е Ци покачал головой. Хотя тогда он со злости и принял эту карту, но пользоваться ею без крайней необходимости не собирался.

Деньги, которые давала Цзян Хуайнин, он тратил без всякого психологического груза — как ни крути, а она его родная мать.

А Цинь Гуаньлань ему кто? Чужой человек, с которым их ничего не связывает.

И вот этот совершенно чужой человек заявил ему: «Все долги семьи Е я помогу тебе выплатить, а это всего лишь карманные деньги на расходы».

Иными словами, деньги, вырученные Е Ци от продажи самого себя, к нему в руки не попадут — все они пойдут Цинь Гуаньланю на погашение долгов перед кредиторами.

Если сложить всё вместе, Е Ци и сам не знал точную сумму долгов, оставленных его биологическим отцом Е Чуном, но счет шел по меньшей мере на сотни миллионов.

Масштабы компании Цинь Гуаньлани хоть и нельзя было назвать маленькими, она все еще находилась на стадии роста. Ей было не сравниться с такими финансово мощными группами, как семья Су Юньму, и он не мог выложить такую гигантскую сумму наличности единовременно. С чего бы Цинь Гуаньланю говорить об этом так легко?

— Генеральный директор Цинь, вы вообще знаете, сколько у моей семьи долгов?

— По крайней мере, лучше, чем ты.

Услышав это, Е Ци запихнул пачку денег, державшуюся в руке, под подушку: раз уж Цинь Гуаньлань вздумает передумать, забрать их обратно у него уже не получится.

Раз уж нашелся желающий побыть кру круглым дураком, то у него, естественно, не было причин отказываться. Товар ушел по хорошей цене, чертовски выгодная сделка.

Е Ци вытянул правые указательный и мизинец, сцепив их с пальцами Цинь Гуаньлани в знак скрепления договора. На его поврежденном лице расцвела довольная улыбка, а глаза даже сощурились полумесяцами.

— Условливались.

Цинь Гуаньлань пробыл в палате недолго: ему позвонили по рабочему делу, и он ушел, а его спина выглядела несколько поспешной.

Хотя договоренность была лишь устной, а скрепление пальцев не имело юридической силы, Е Ци совсем не беспокоился, что Цинь Гуаньлань впоследствии откажется от своих слов — это не соответствовало его натуре.

Вот так вот впопыхах, за очень короткое время, всё началось с шутки, а закончилось так, будто был сделан важнейший выбор в жизни.

Е Ци даже не понимал, на что вообще рассчитывает Цинь Гуаньлань? Неужели и впрямь позарился на его тело?

Ну, раз надо спать — переспят. Какая разница между сексом по любви и продажным сексом? Всё одно и то же.

Впрочем, если подумать, Цинь Гуаньлань и правда с придурью, особенно с тех пор, как их семья обанкротилась.

Е Ци пробыл в больнице три дня, ребра уже не так сильно болели, а Цзян Сун приходил составить ему компанию при любой возможности.

Цинь Гуаньлань, судя по всему, был невероятно занят. Хоть он и заглядывал в больницу каждый день, задерживался ненадолго и, не успев толком пообщаться с Е Ци, уходил.

Зато он нанял сиделку, чтобы та заботилась о повседневной жизни Е Ци, хотя тот еще не дошел до состояния, когда был неспособен сам о себе позаботиться и нуждался в чужой помощи.

— А-Ци, ты же завтра выписываешься, верно? Братец приедет забрать тебя.

Е Ци неторопливо ел виноград, вымытый сиделкой, и отказал Цзян Суну на другом конце провода:

— Не нужно, за мной приедут.

— Кто?

— Цинь Гуаньлань, я буду жить у него.

Цзян Сун: «?»

В смысле? Кто тут только что поливал Цинь Гуаньланя помоями и утверждал, что жить с таким типом — это чистой воды мазохизм?

Е Ци объяснил:

— Квартира, которую ты снимаешь, слишком маленькая, мне там неуютно.

Понятно, блин. То есть жить под одной крышей с этим носящим фамилию Цинь, надо полагать, очень даже уютно.

— О да, мои вещи все еще у тебя, Цзян-гэ, закинь мне их вечером на досуге.

Цзян Сун был не в силах совладать с Е Ци, поэтому просто пустил всё на самотек:

— Ладно-ладно, я всё равно собирался навестить тебя сегодня вечером.

Глава семнадцатая: Начало совместной жизни

На следующее утро Е Ци выписался из больницы.

Генеральный директор Цинь в круговерти своих дел выкроил минутку, чтобы забрать его.

Спустя три дня синяки на теле Е Ци стали выглядеть еще хуже: черно-фиолетовые пятна резко выделялись на фоне бледной кожи.

Но он всё так же весело болтал с медсестрами, передвигался совершенно свободно, а мелкие царапины на теле уже начали покрываться корочками.

Цинь Гуаньлань катил перед собой чемодан Е Ци. Перед выходом из палаты он внезапно обернулся и посмотрел на шествовавшего следом парня:

— Е Ци, пока еще не поздно передумать.

— Переступив порог моего дома на этот раз, тебе придется во всем меня слушать, и тогда удрать у тебя уже не будет ни единого шанса.

— Я переломаю тебе ноги.

Голос Цинь Гуаньланя звучал низко, с отчетливыми нотками сурового предупреждения, а в глубоких зрачках зрело что-то готовое вырваться наружу.

Е Ци пропустил это мимо ушей и мысленно закатил глаза.

Ну надо же, в самом деле, и стоило заикаться об этом только сейчас? Выходит, он ждал именно этого момента? Просто искал повод переломать ему ноги и выплеснуть злость.

— Сам же знаешь, мне уже ломали ноги раньше.

Взгляд Цинь Гуаньланя потемнел.

Тогда из-за всей этой истории с Сун Цзыюем Е Чунь безжалостно сломал Е Ци левую ногу.

Цинь Гуаньланя в тот момент не было рядом, а когда он примчался, было уже поздно — перед его глазами предстал лишь сжавшийся в комок на больничном полу Е Ци, который в боли прижимал к себе левую ногу.

Е Ци не обратил внимания на эту мимолетную перемену в выражении лица Цинь Гуаньланя. Из-за того, что по ночам он плохо спал из-за ноющей боли, его одолевала сонливость, и он лениво протянул, зевая:

— Главное, чтобы ты сам потом не пожалел, босс.

Цинь Гуаньлань бросил на него долгий взгляд, подавляя эмоции на дне глаз, и больше ничего не сказал.

Вот так, не прошло и полмесяца, как Е Ци снова поселился в доме Цинь Гуаньланя, но на сей раз в совершенно новом статусе — из врага он превратился в маленького любовника.

Хотя на данный момент их отношения еще не претерпели никаких качественных изменений.

Впрочем, оно и понятно: он ведь весь в синяках и ссадинах, и если бы Цинь Гуаньлань действительно что-то с ним сотворил прямо сейчас, то оказался бы последней скотиной.

— Послушай, а не пора ли нам составить какой-нибудь контракт на эту нашу несправедливую сделку?

Цинь Гуаньлань открыл дверь гостевой спальни и закатил туда чемодан Е Ци:

— Ты же сам прекрасно понимаешь, что сделка несправедливая, так что даже если мы ее

подпишем, юридической силы она иметь не будет.

— Ну ладно.

Е Ци вошел следом и окинул взглядом обстановку гостевой комнаты.

Помещение выглядело небольшим, но чистым и аккуратным. Судя по всему, обычно здесь никто не жил, и вся мебель с бытовыми принадлежностями выглядели совершенно новыми.

Двухспальная кровать шириной в метр восемьдесят, собственная ванная комната и большой платяной шкаф — куда лучше той обшарпанной конуры, которую снимал Цзян Сун.

Е Ци плюхнулся на одноместное кресло у края кровати и между делом бросил:

— А я уж думал, ты снова заставишь меня спать на диване.

После одной ночи на диване у него несколько дней держалась высокая температура, и Цинь Гуаньлань не хотел создавать себе лишних хлопот.

Видя, что тот никак не реагирует, Е Ци хотел было сказать еще что-то, но заметил, что Цинь Гуаньлань положил его чемодан на пол, опустился перед ним на одно колено и расстегнул молнию.

— Эй, это мой чемодан, ты что делаешь?

Цинь Гуаньлань расстегнул и вторую молнию, отвечая, даже не поднимая головы:

— Вещи разбираю.

— Я и сам могу их разобрать.

— Раз уж тело в ранах, сиди смирно и не рыгайся.

Е Ци только приподнял задницу, собираясь встать, но, услышав это, послушно опустился обратно. Его взгляд — полный странного подтекста — упал на молодого человека, который был старше его на два года.

К этому моменту он уже смутно начал чувствовать, что что-то здесь не так, — другую сторону Цинь Гуаньлани, которую он раньше не замечал.

С того ракурса, под которым сидел Е Ци, было видно лишь профиль Цинь Гуаньланя.

В комнате работал теплый пол, и он снял верхнюю одежду, оставшись в облегающей черной водолазке с высоким горлом, которая идеально подчеркивала широкие плечи и крепкую узкую талию. Рукава были закачаны до локтей, обнажая радующие глаз линии предплечий.

По сравнению с таким отбросом-мажором, как Е Ци, который вел ночной образ жизни, годами не занимался спортом и жил с расписанием вампира, Цинь Гуаньлань при первом же взгляде производил впечатление нормального человека с правильным режимом дня, регулярно посещающего спортзал.

<http://bllate.org/book/25527/3045451>